

**Русский архив. Историко-
литературный сборник. 1896**

Выпуски 9-12

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
P89

P89 Русский архив. Историко-литературный сборник. 1896: Выпуски 9-12 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 716 с.

ISBN 978-5-458-42461-5

Оригинальное название: Русский архивъ. Историко-литературный сборникъ. 1896. Выпуски 9-12 «Русский архивъ» — ежемесячный историко-литературный журнал, издававшийся в Москве с 1863 по 1917 год. Создателем и продолжительные годы редактором журнала был П. И. Бартенев — историк, археограф, библиограф. Этот журнал называли «живой картиной былого», поскольку он содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю России в XVIII и XIX вв. По числу опубликованных источников «Русский архив» стоит на первом месте среди русских исторических журналов. В течение полувека П. И. Бартенев издавал журнал, сумел много написать, опубликовать, открыть множество неизвестных источников. Служба П. И. Бартенева в Архиве министерства иностранных дел, поездки за границу, работа в Чертковской библиотеке позволили редактору познакомиться с разнообразными материалами по истории России. Интересен факт, что именно П. И. Бартенев подобрал исторический материал для романа "Война и мир". Когда известный граф М. С. Воронцов пригласил П. И. Бартенева издать семейный архив Воронцовых, историк познакомился с его женой, Елизаветой Ксаверьевной, услышал от нее много интересных рассказов о Пушкине. Впоследствии в разных журналах, в том числе и в «Русском архиве» были опубликованы статьи П. И. Бартенева, посвященные Пушкину, которые легли в основу будущих исследований пушкинистов, биографов, краеведов, изучавших его творчество. На страницах журнала были опубликованы произведения русских писателей и поэтов: В. А. Жуковского М. Ю. Лермонтова, Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя. Среди редких исторических документов в «Русском архиве» были опубликованы материалы об Отечественной войне 1812 года (1890), записки и письма декабристов (во многих книжках «Русского архива» различных годов).

ISBN 978-5-458-42461-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

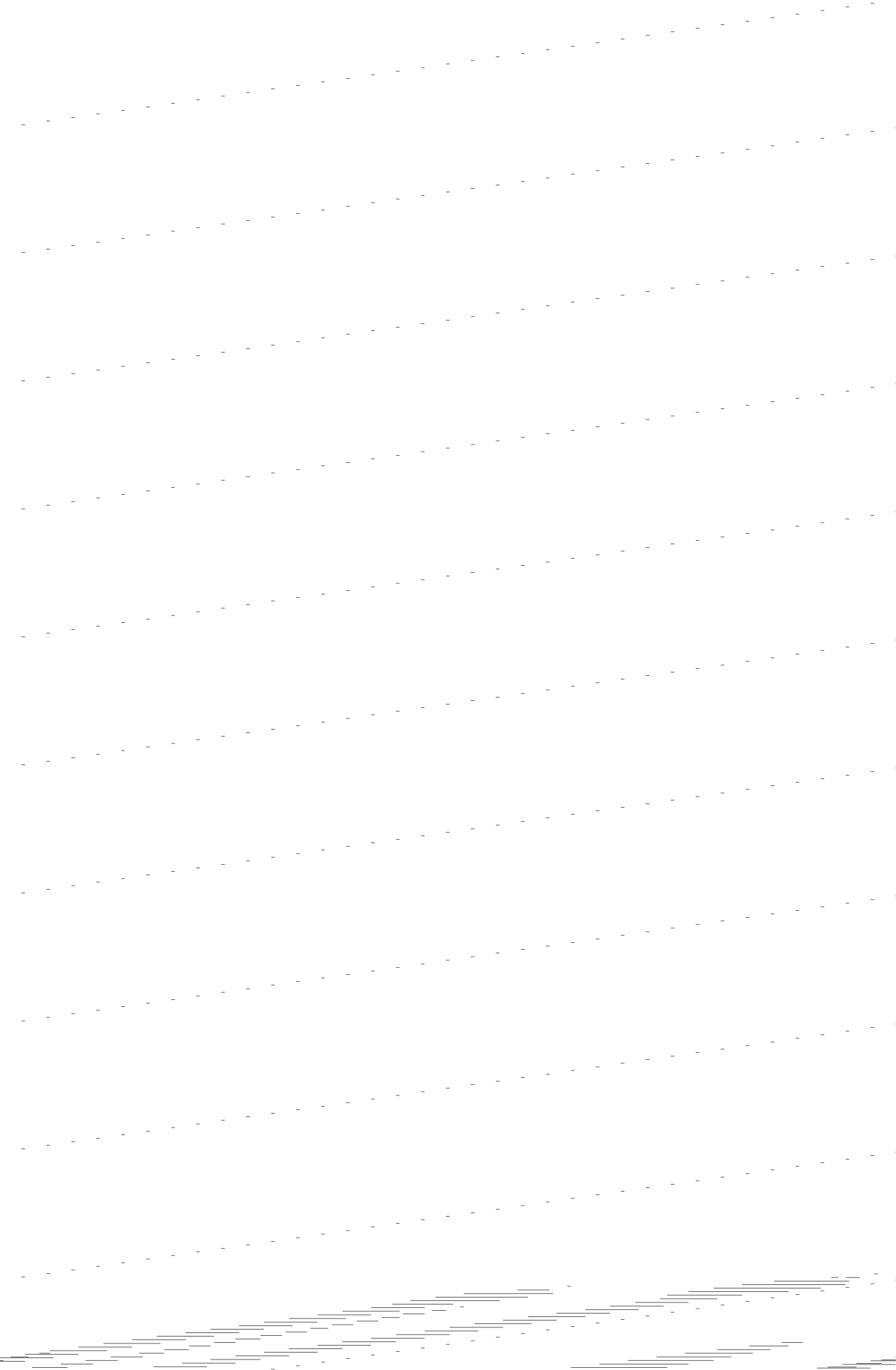
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ССЫЛЬНЫЕ 1812 ГОДА ВЪ ОРЕНБУРГСКОМЪ КРАѢ.

Въ исторіи Отечественной войны *).

1.

Тяжелую годину переживала Россія, когда «великая армія» Наполеона вступила въ ея предѣлы и начала опустошать села и нивы беззащитныхъ поселенъ нашихъ. Все задрожало отъ варварскихъ приемовъ воинственныхъ сыновъ просвѣщенной Европы, кичившихся своей цивилизаціей и гуманностью. Первопрестольная столица и Сѣверная Пальмира трепетно ждали роковой развязки. Народъ съ ненавистью смотрѣлъ на комфортабельно-пріютившихся у насъ иностранцевъ, видя въ каждомъ изъ нихъ врага Россіи, врага зачлятаго, басурманскаго. Само правительство подозрительно слѣдило за этими людьми, такъ какъ многіе изъ нихъ промышляли шпионствомъ и передавали неприятелю необходимыя свѣдѣнія, продолжая въ тоже время состоять на Русской коронной службѣ и получать Русское жалованье. Оказалось необходимымъ удалять ихъ изъ столицъ и разсылать по окраинамъ Имперіи.

Особенно много этихъ изгнанниковъ пришлось на долю Оренбургскаго края. Сюда были сосланы преступники изъ всѣхъ слоевъ общества, люди разныхъ націй и всевозможныхъ профессій, начиная съ простыхъ рабочихъ (коверный мастеръ Герень) и кончая офицерами Русской арміи. Изъ числа послѣднихъ были отправлены въ Оренбургъ прапорщики Селезневъ и баронъ Селли (Грекъ). Послѣдній, служа у насъ знаменоносцемъ въ отрядѣ легкихъ стрѣлковъ, былъ замѣченъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ неприятелемъ. Потомъ, 12-го Августа 1812 г., безъ обозначенія причинъ, были присланы изъ Петербурга парикмахеръ Бушенё, иностранный Еврей Вальдгеймъ, «жившій безъ вся-

*) Изъ Оренбургскаго центральнаго архива за 1811 — 1815 гг., т. I и II (отдѣлъ секретный).

каго дѣла», и «бывшій рестораторъ на Исакіевской площади» Велькеръ, затѣмъ «учинившій присягу на подданство Россіи и потомъ взявшій новый паспортъ отъ посла» Французъ Биньонъ, бывшій переводчикъ Губернскаго Правленія Грекъ (Grec), какой-то «служившій у знаменитаго Тардифа», коллежскій ассесоръ Черіотти (Ceriotti), Французскій купецъ Тусень (Toussaint) и мастеръ Герень (Guerin). Главнокомандующимъ въ Петербургъ, генераломъ-отъ-инфантеріи С. К. Вязмитиновымъ предписано было учредить за ними строгій надзоръ, разославъ по крѣпостямъ, «чтобъ они жили тихо и скромно, никакихъ къ нарушенію спокойствія предпріятій, вредныхъ разговоровъ и политическихъ разсужденій не дѣлали и переписки ни съ кѣмъ не имѣли».

Немного поздыѣе, 17-го Сентября, были высланы еще изъ Казани иностранецъ Эдуардъ и Полякъ Козловскій, также замѣшанные въ сношеніяхъ съ неприятелемъ. Нѣкоторые, какъ, напримѣръ, иностранецъ Бетихеръ съ семействомъ, ссылались только по подозрѣнію въ политическихъ намѣреніяхъ, другіе же сосланы за безпокойный характеръ.

Къ числу послѣднихъ принадлежалъ поручикъ Кандогурій (Грекъ), присланный въ Оренбургъ за «дерзкія выраженія въ просьбѣ своей противу барона Кампенгаузена», за чтò онъ сначала былъ выдержанъ двѣ недѣли на хлѣбѣ и водѣ и потомъ, безъ права вѣзда въ столицу, перевезенъ въ свой родной городъ Таганрогъ. Но и это строгое наказаніе не заставило его смириться: въ Таганрогѣ онъ сталъ сбивать съ пути истиннаго своихъ единоплеменниковъ «на счетъ Русскихъ законовъ». Мѣстный градоначальникъ донесъ о немъ по начальству, и безпокойнаго отставнаго поручика перевели на житье въ Оренбургскій край, гдѣ ему уже не кого было возмущать.

Перечислить всѣхъ иностранцевъ и другихъ поднадзорныхъ, присланныхъ въ это время въ эту отдаленную окраину, не представляется возможности, тѣмъ болѣе, что о большинствѣ изъ нихъ нѣтъ положительно никакихъ свѣдѣній, за исключеніемъ однихъ фамилій. Замѣчательны судьба и данныя только о двухъ ссыльныхъ, неизвѣстно чѣмъ навлекшихъ на себя гнѣвъ Московскаго генераль-губернатора, графа Ѳ. В. Ростопчина. Первый былъ преподаватель Московскаго Университета Годфруа, присланный въ Оренбургъ 2-го Августа 1812 г., а второй Витебскій помѣщикъ Реутъ, высланный изъ Москвы 26-го Іюля. Какія они совершили преступленія, о томъ въ официальныхъ свѣдѣніяхъ ничего не значится. Только въ письмѣ графа Ростопчина (отъ 21-го Іюля 1812 г.) на имя Оренбургскаго военнаго губер-

натора князя Г. С. Волконскаго говорилось, что Годфруа ссылается въ Оренбургъ по высочайшему повелѣнію и за нимъ должно «имѣть надлежащій надзоръ». Болѣе же подробныя свѣдѣнія о себѣ даетъ самъ профессоръ этотъ въ письмѣ своемъ на Французскомъ языкѣ на имя Государя. 12-го Августа 1812 г. изъ Оренбурга Годфруа написалъ еще письмо къ министру народнаго просвѣщенія графу А. К. Разумовскому въ пылкихъ и картинныхъ выраженіяхъ и приложилъ списокъ съ своего письма къ Государю. Онъ ссылается на доброе о немъ мнѣніе директора Тульской гимназіи Гурьева, Московской—Дружинина, и ректора Московскаго университета А. А. Прокоповича-Антонскаго, которому позднѣе, 28-го Мая 1813 г., онъ писалъ изъ Верхнеуральска.

Оба письма эти, чрезъ Оренбургскаго коменданта, г.-м. Гертценберга, были представлены князю Волконскому. Но князь Волконскій не послалъ ихъ по назначенію, а для чего-то, 14-го Августа, офиціальнымъ письмомъ (за № 1579) адресовался къ графу Ростопчину, переславъ ему первое письмо Годфруа, въ коемъ выражаются «дерзкія мысли сего Француза на щеть» Ростопчина «и на щеть вообще Россійскаго правительства», и по этой причинѣ, «предавая сужденію графа оправданія его», покорнѣйше просилъ его сіятельство «почтить увѣдомленіемъ о его на сіе заключеніи». Однако, не дождавшись «увѣдомленія» этого, какъ поступить съ «дерзкимъ» Французомъ, князь Волконскій распорядился отправить его на жительство въ Верхнеуральскъ, подъ надзоръ тамошняго коменданта полковника Суховицкаго.

Съ 5-го Сентября 1812 г. по 25-е Апрѣля 1813 г. Годфруа «находился въ Верхнеуральскѣ на обывательской квартирѣ подъ смотрѣніемъ двухъ рядовыхъ мѣстнаго батальона и «ни въ какихъ противныхъ поступкахъ замѣченъ не былъ». Но въ ночь на 26-е Апрѣля онъ расположился ночевать не «въ горницѣ», какъ обыкновенно дѣлалъ, а въ небольшомъ, прилегающемъ къ дому, чуланчикѣ. Приставленные къ нему часовые оставались въ сѣняхъ, и когда въ домѣ все успокоилось, а солдатики заснули, профессоръ на разсвѣтѣ дня тихонько отперъ окно, выходящее изъ чулана на дворъ, и незамѣтно вышелъ на улицу. Проснувшись въ 3 часа пополуночи, солдаты замѣтили растворенное окно, заглянули въ него, но арестованнаго уже слѣдъ простылъ. Сначала они подумали, что Годфруа по обыкновенію пошелъ гулять такъ рано или зашелъ къ кому-нибудь изъ знакомыхъ, дабы разсѣять свою грусть-тоску, «поелику онъ часто бывалъ примѣченнымъ при надзираіи гг. плацъ-маіорами и дежурными по карауламъ офицерами въ глубокой меланхоліи». Поэтому часовые бросились искать бѣглеца въ

городѣ, но, не найдя его нигдѣ, потомъ уже донесли о случившемся дежурному по карауламъ подпоручику Казанцеву, который, въ свою очередь, не замедлилъ довести до свѣдѣнія коменданта. Полковникъ Суховицкій приказалъ «выбрать изъ казаковъ и гарнизонныхъ чиновъ самыхъ расторопныхъ и исправныхъ людей» и по частямъ разослалъ ихъ во всѣ стороны «для поиску» Годфруа.

Послѣ тщательныхъ розысковъ, одной изъ партій подъ командой рядового Богданова удалось найти плѣннаго верстахъ въ шести отъ Верхнеуральска, по направленію къ Киргизской степи, на самой границѣ, «лежащимъ отъ усталости въ гористомъ мѣстѣ, между камнями». Бѣглець того же 26 Апрѣля въ 4 ч. пополудни былъ представленъ въ комендантское управленіе вмѣстѣ съ имѣвшимися при немъ дорожнымъ мѣшкомъ, гдѣ, по осмотрѣ, оказалось: бѣлье, денегъ 90 рубл. ассигнаціями и 1 р. 25 к. серебромъ, писчая бѣлая бумага «съ приборомъ», нѣсколько печатныхъ книгъ на Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ и десять штукъ крута *). На спросъ коменданта, зачѣмъ онъ «покусился на бѣгство, Годфруа отвѣчалъ, что дастъ по этому поводу письменное объясненіе, которое и представилъ 28-го Апрѣля на Русскомъ языкѣ. Вотъ оправдательная записка ученаго Француза.

«Желаніе оправдать себя предъ вашимъ высокоблагородіемъ, въ разсужденіи покушенія моего въ бѣгствѣ изъ вашего города и изъ Россіи, побуждаетъ меня у васъ попросить дозволенія вамъ отдать отчетъ въ причинахъ, которыя меня довели до этого предпріятія, и въ средствахъ мною для того употребленныхъ.

По неслыханной несправедливости, сдѣланной мнѣ Московскимъ военнымъ губернаторомъ, графомъ Ростопчинымъ, я давно рѣшился оставить навсегда Россію, какъ скоро я свободенъ буду, и возвратиться во Францію; но зная, какъ щедро Французское правительство награждаетъ тѣхъ, которые учены въ восточныхъ языкахъ, и особливо въ Арабскомъ, мое намѣреніе было сперва путешествовать нѣсколько лѣтъ въ Турціи, въ Арабіи, въ Персіи и даже въ Бухаріи, чтобъ учиться языкамъ этихъ странъ, которые имѣютъ между собою самую тѣсную связь. Между тѣмъ, намѣтивъ въ Оренбургскомъ народномъ училищѣ учебныя книги для Татарскаго языка, я ихъ купилъ и началъ учиться этому языку, сперва въ Оренбургѣ, и потомъ въ здѣшнемъ городѣ. Но невозможность продолжать это приготовительное ученіе, молчаніе правительства о моей просьбѣ Государю, врученной мною

*) Крутъ—овечій сыръ, приготовляемый въ видѣ круглыхъ булочекъ.

его сѣятельству князю Волконскому слишкомъ за восемь мѣсяцевъ предъ симъ, совершенный недостатокъ въ средствахъ снискивать себѣ пропитаніе, наконецъ, опасность терпѣть мои мученія до неизвѣстности конца продолжительной войны, меня довели до такого отчаянія, что (я) рѣшился стараться чрезъ самую опасную дорогу пробраться въ Бухарію, и оттуда далѣе для исполненія вышесказаннаго моего плана; за тѣмъ боясь, чтобы скорое возстановленіе линіи маяковъ *) мнѣ не препятствовало въ моемъ намѣреніи, тѣмъ больше, что я, не имѣя въ немъ никакого сообщенія, не могъ получить ни отъ кого малѣйшей помощи, я рѣшился 26-го числа сего мѣсяца, въ 3 часа пополуночи, запасшись малымъ количествомъ бѣлья, учебныхъ книгъ и крутовъ, уйти чрезъ окошко моей горницы посредствомъ веревочной лѣстницы, и убѣжать пѣшкомъ въ Киргизскую степь, въ надеждѣ, что какой-нибудь Киргизецъ утащилъ бы въ Бухарію или согласился бы за нѣсколько денегъ меня туда увезти; но скоро, выбившись съ ногъ, я былъ принужденъ броситься въ первое скрытное мѣсто, гдѣ меня нашли посланные вами казаки.

Въ эдакомъ случаѣ, м. г., я знаю ваши обязанности и не буду роптать противъ вашихъ распоряженій, только давши замѣтить вашему высокоблагородію, что я не нарушилъ никакой обязанности, никакого вамъ даннаго слова. И кончу, попросивши у васъ позволенія вамъ предложить одинъ простой вопросъ. Положимъ, м. г., что одинъ изъ вашихъ любезнѣйшихъ ближнихъ, бывши задержаннымъ въ чужихъ краяхъ по самому незаконному приказанію высшаго правительства, счелъ вырваться изъ рукъ своихъ карауловъ и что къ вамъ теперь пріѣзжая, онъ бросается въ ваши объятія. Неужели вы будете его бранить? Не будете ли вы напротивъ поздравлять его съ счастливымъ пріѣздомъ и хвалить ту рѣшимость, ту отважность, съ которою онъ успѣлъ освободиться? Таково мое положеніе, м. г., и поэтому я увѣренъ, что во внутренности сердца своего вы, конечно, не осуждаете моего предпріятія. Подробнѣйшія объясненія я готовъ подать в. в-б-дію, ежели вы ихъ желаете; особенно я васъ увѣряю, что по мѣрамъ, взятымъ мною, караулы никакъ не виноваты и даже, что изъ всѣхъ карауловъ, бывшихъ прежде при мнѣ, никто мнѣ такъ не досадовалъ сво-

*) Годфруа, должно быть, говоритъ здѣсь о такъ-называемыхъ *симахъ*, возобновленныхъ въ 1816 г. для изобличенія Киргизскаго прорыва во внутрь страны. Это по есему протяженію пограничной линіи втыкаемые въ землю тонкіе прутья тальнику, которые, связываясь своими вершинами одинъ съ другимъ, составляли нѣчто похожее на изгородь. Въ случаѣ обнаруженія порчи *симвовъ* ближайшій пикетъ давалъ знать объ угрожающей опасности соседнимъ постаамъ. („Памяти. Книжка Оренб. губ.“ 1895, II, 39).

имъ строгимъ надсмотромъ, какъ эти, которые были при мнѣ въ день моего бѣгства».

Обо всемъ случившемся (съ представленіемъ копіи съ оправданія Годфруа) Верхнеуральскій комендантъ донесъ князю Волконскому, который (1-го Юля 1813 года) «впредь до рѣшенія дѣла» предписалъ «содержать его подъ карауломъ на гауптвахтѣ», въ свою очередь донесъ объ этомъ главнокомандующему въ Петербургѣ Вязмитинову. Но такъ какъ послѣднему въ это время было не до разбора ссыльныхъ Французовъ, то дѣло Годфруа окончилось безъ всякихъ для него дурныхъ послѣдствій, если не считать содержаніе его подъ стражей (на гауптвахтѣ) со времени бѣгства по 25-е Октября 1814 г., гдѣ ему не позволялось ни читать, ни писать что-либо: всѣ книги и бумаги у него были отобраны, и бѣдняга безъ дѣла еще больше изнывалъ въ тоскѣ и горѣ. Суховицкій сжалился надъ нимъ и въ началѣ Октября 1814 г. просилъ князя Волконскаго выдать ему хоть тѣ книги (букварь, грамматику и словарь Россійскій съ переводомъ на Татарскій языкъ), по коимъ началъ онъ обучаться разговорамъ. Но Оренбургскій военный губернаторъ почему - то разрѣшилъ выдать ему книги только на Татарскомъ языкѣ и предложилъ Верхнеуральскому коменданту: «если поведение Годфруа не подвержено никакому сомнѣнію, то перевести его на квартиру и имѣть на оной подъ надлежащимъ надзоромъ».

Годфруа вздохнулъ свободнѣе. Руки у него были теперь развязаны. Слабый лучъ надежды видѣлся впереди на скорое освобожденіе, тѣмъ болѣе, что 30-го Августа того же 1814 года вышло высочайшее повелѣніе, по которому нѣкоторые изъ плѣнныхъ могли освобождаться изъ неволи. Это дало ему поводъ чрезъ Суховицкаго снова (10-го Декабря) обратиться съ просительнымъ письмомъ къ князю Волконскому.

«Я имѣю честь представить вашему сіятельству, что по всемілостивѣйшему манифесту, изданному 30-го Августа нынѣшняго года, всѣ тѣ, до коихъ касается Государева милость, имѣютъ даже получить обратно то имѣніе, которое было бы у нихъ прежде описано. Слѣдовательно, м. г., не можетъ быть памѣренія вашего сіятельства лишить меня долѣе тѣхъ Татарскихъ книгъ, которыя были у меня отобраны за два года предъ симъ, тѣмъ болѣе, что это такія сочиненія, которыя публично продаются по приказанію и на счетъ правительства въ Оренбургской гимназій, гдѣ я ихъ и купилъ. Но какъ послѣднее повелѣніе вашего сіятельства о томъ предметѣ предписываетъ отдать мнѣ только тѣ изъ этихъ книгъ, которыя на одномъ Татарскомъ языкѣ: выходитъ, что какъ оцѣ всѣ на обоихъ—Татарскомъ и Россійскомъ

языкахъ, и что даже по той одной причинѣ онѣ были у меня отобранны, то здѣшній господинъ комендантъ находится обязаннымъ и теперь ихъ всѣхъ держать у себя. По эдакимъ обстоятельствамъ не позволено ли мнѣ будетъ, м. г., полагать, *«что случилась, можетъ-быть, какая-нибудь ошибка въ составленіи приказа, предложеннаго подписыванію вашего сіятельства?»* Въ такомъ случаѣ я васъ покорнѣйше прошу, чтобы вы изволили вторично приказать, чтобы всѣ мои Татарскія книги безъ исключенія были мнѣ возвращены.

Какъ всемилостивѣйшій манифестъ возстановляетъ сосланныхъ въ прежнее ихъ состояніе, и какъ, съ другой стороны, правительство не кажется намѣреннымъ возвратить меня въ Москву на казенный счетъ, я васъ также прошу покорнѣйше, м. г., чтобы вы изволили приказать отдать мнѣ паспортъ до Казани, чтобъ я могъ тамъ сыскать средства пропитанія, которыхъ я здѣсь такъ долго находилъ себя лишеннымъ. А ежели, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, не будетъ во власти вашего сіятельства сдѣлать мнѣ сію милость, то я васъ покорнѣйше прошу дать мнѣ позволеніе писать прямо и на Французскомъ языкѣ къ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, у которой съ полною довѣренностію я буду всепокорнѣйше просить высочайшаго ходатайства, какъ скоро я буду извѣщенъ о возвращеніи Ея Величества въ столицу.

Позвольте мнѣ теперь, м. г., окончить мое письмо краткимъ представленіемъ вашему сіятельству ужасныхъ бѣдъ, которыя я претерпѣлъ въ Москвѣ въ то время, когда я здѣсь и безъ того такъ чувствительно страдалъ. Моя жена и мой братъ скоро умерли отъ печали и въ отчаяніи; все мое имѣніе, моя бібліотека, мои важнѣйшія бумаги, документы, на которыхъ основывалось будущее мое счастье, все разграблено и все пропало; такъ что изъ всего прежняго моего состоянія мнѣ остается одно страшное предчувствованіе несчастной старости. Ежели, по непостижимой судьбѣ, такая была награда непорочнаго поведенія, безмѣрнаго усердія и ревностныхъ услугъ человѣка, котораго все существо было предано Россіи, то по крайней мѣрѣ я ласкаю себя надеждою, м. г., что, двинувшись вмѣстѣ съ чувствомъ правосудія, человѣколюбія и сострадательности, вы не замедлите дать мнѣ наслаждаться благодѣянiami всемилостивѣйшаго манифеста, и что вы удостоите своимъ уваженіемъ двоякій предметъ сей моей просьбы къ вашему сіятельству.»

Видимо, что письмо написано человѣкомъ недовольно знакомымъ съ оборотами Русской рѣчи. Тѣмъ не менѣе Годфруа и по-русски

умѣлъ выражаться колко. Князь Волконскій, однако, не понялъ или старался не понять такую колкость и видимо настолько встревожился угрозою ученаго плѣнника, что тотчасъ же по полученіи письма (15-го Декабря) предписалъ Суховицкому выдать Годфруа всѣ «печатныя книги на Татарскомъ и Россійскомъ языкахъ», съ требованіемъ лишь донести ему, какія въ книгахъ и письменныхъ тетрадкахъ, отобранныхъ отъ Годфруа, окажутся недостатки. Относительно же увольненія плѣнника въ Казань приказано было объявить ему, «что ни въ Москву, ни въ Казань отпустить его не можно, потому что объ освобожденіи его не послѣдовало еще разрѣшенія отъ высшаго правительства», о чемъ-де уже сдѣлано представленіе г. главнокомандующему въ С.-Петербургу. Что же касается разрѣшенія Годфруа писать Императрицѣ, то этого ему «отноудь не позволять прямо отъ себя», а чтобъ онъ терпѣливо ожидалъ разрѣшенія о возвращеніи ему прежней свободы. Однако прошло еще около четырехъ мѣсяцевъ, а о возвращеніи этой свободы не было ни слуху, ни духу. Годфруа потерялъ всякое терпѣніе и, наконецъ, 8-го Апрѣля 1815 года самъ написалъ письмо С. К. Вязмитинову, которое, чрезъ Суховицкаго, просилъ князя Волконскаго переслать по назначенію. На этотъ разъ Оренбургскій военный губернаторъ исполнилъ желаніе Годфруа. Но какой получился изъ Петербурга отъ министра полиціи отвѣтъ, изъ дѣла не видно. По всей вѣроятности, онъ былъ освобожденъ въ силу высочайшаго манифеста 14-го Декабря 1815 года, такъ какъ въ послѣдующихъ годахъ о немъ не было никакой переписки.

II.

Какъ о Годфруа, такъ и о Богуславѣ Матвѣевичѣ Реутѣ нѣтъ точныхъ официальныхъ данныхъ. Только въ письмѣ графа Ростопчина къ князю Волконскому отъ 12-го Юля 1812 г., говорится, что Реутъ ссылается «за дерзкія слова», но кому, когда и гдѣ сказанныя, ничего неизвѣстно. Болѣе же обстоятельныя свѣдѣнія о себѣ даетъ самъ ссыльный въ написанной по-французски «оправдательной запискѣ», которую приводимъ здѣсь въ Русскомъ переводѣ. Это цѣлая, весьма любопытная автобіографія.

Оправдательная записка, составленная мною Богуславомъ Реутомъ, по поводу моего задержанія въ Москвѣ 26-го Юля 1812 года, въ томъ видѣ, какъ она должна была быть представлена его сіятельству графу Ростопчину.

Прежде чѣмъ начать мое оправданіе, изложу вкратцѣ исторію моей жизни. Свидѣтельствуюсь Высшимъ Существомъ, что буду говорить одну только правду.